

18+

СНИК
ПАТ.Н ПАТ.ННА

ЕВГЕНИЙ КР.П.Т

Евгений Кропот

Сонник Платон Платоныча

«Издательские решения»

Кропот Е.

Сонник Платон Платоныча / Е. Кропот — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512448-7

Текст представляет собой небольшую по объему цельную вещь, состоящую из 70 снов, разбитых на десять седмиц, каждая из которых заканчивается сном, зацепившимся за один из Моисеевых законов. Изложение самого сна есть трехчленная структура, начинающаяся общим зачином, затем следует рассказ сновидения и завершается пробуждением и немедленной формулировкой морали.

ISBN 978-5-00-512448-7

© Кропот Е.
© Издательские решения

Содержание

1-я седмица	6
Сон №1 – Сила красоты	6
Сон №2 – Пространство счастья и свободы	7
Сон №3 – Странности любви-4	8
Сон №4 – Обидно! (Менты-2)	11
Сон №5 – Подарок швейцарских рабочих (Из истории человечества-2)	12
Сон №6 – О высоком-1	13
Сон №7 – Декалог 8	14
2-я седмица	15
Сон №8 – Цветы на асфальте	15
Сон №9 – Асс-са! (Менты-1)	16
Сон №10 – Что упало, то попало	17
Сон №11 – Агент 888 (Задание №586 – Родильное место)	18
Сон №12 – Странности любви-2	19
Сон №13 – Птичку жалко!	20
Сон №14 – Декалог 6	21
3-я седмица	22
Сон №15 – Странности любви-12	22
Сон №16 – Серые и черные	23
Сон №17 – Про снежного человека (Из истории человечества-15)	26
Сон №18 – Война	27
Сон №19 – О высоком-6	28
Сон №20 – Не бздеть!	29
Сон №21 – Декалог 7	30
4-я седмица	32
Сон №22 – Ужастик (Менты-3)	32
Сон №23 – Невезуха	33
Сон №24 – Торжество природы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сонник Платон Платоныча

Евгений Кропот

Дизайнер обложки Арсен Арсенов

Иллюстратор Ольга Мацюк

© Евгений Кропот, 2020

© Арсен Арсенов, дизайн обложки, 2020

© Ольга Мацюк, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-2448-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сонник Платон Платоныча

Платон Платоныч – это сосед. Он частенько ходит ко мне выпить рюмку-другую, покурить, поговорить. Я к нему редко, по праздничным обстоятельствам. Он человек солидный, семейный, а я наоборот. Нет, нет, и я солидный, просто несемейный. Супруга его меня жалеет и желает пристроить к подруге, чтоб сделать мне счастье. И Платон Платоныч хочет мне счастья, потому к себе не зовет. От греха.

С Платон Платонычем мы приятели. Давние, и вместе нам хорошо. У него пунктик: он видит сны. Я тоже, но у него другое. Во-первых, часто, во-вторых, все помнит и, в-третьих, думает.

Для всякого события у Платон Платоныча есть сон. Я к ним привык и как-то озабочился, мол, вдруг иссякнут. А он мне шкафчик под ключиком, где пять толстущих томов, и 27686 штук заперты в твердом порядке. Не жадит он, дает, читаю... То то мне видится там, то это. И смысл временами забрезжит вдруг, чтоб ускользнуть.

Читаю...

1-я седмица

Сон №1 – Сила красоты

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто плывет он по красивой реке в красивой-красивой лодке, ест-пьет-веселится среди красивых женщин и мужчин и вдруг слышит-видит, как по берегу бежит очень красивая девушка и зовет его, тянет руки, умоляет прийти. Платон Платоныч тоже стал к ней руки тянуть, упал с лодки и утонул.

Проснулся Платон Платоныч, подумал и сказал себе: «Говорят, красота мир спасет, а меня утопила. Неправильно это».

Сон №2 – Пространство счастья и свободы

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

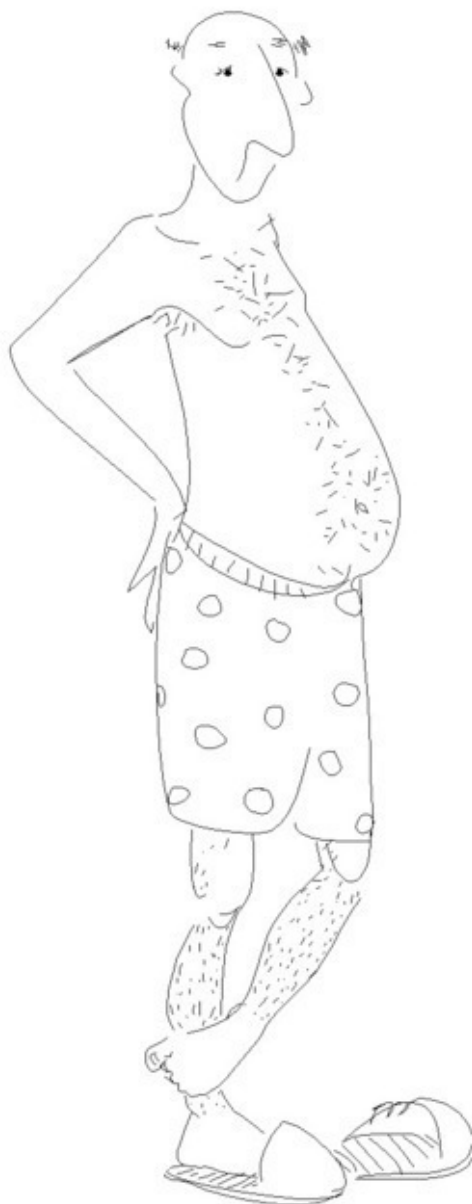
«Будто он бомжует и не где-нибудь, а прямо в Кремле. Будто утром их рано-рано везут на спецмашинах с сигналками, моют-макияжат, одевают в секонд-хэнд, но совсем новенький и художественно помятый-продранный. Потом строят прямо перед крыльцом резиденции, каждого обходит-обнюхивает главный имиджмейкер, а на крыльце самый главный генерал стоит-поглядывает. Раздают им пакеты фирменные со Спасской башней для добычи, и главный генерал напутствие говорит: «Ребятюшки! – говорит зычным таким голосом, но задушевно. – Ребятюшки! Уж вы послужите отечеству, не подведете старика!» Мы дружно головой киваем: не подведем, мол, послужим, живота своего не пожалеем. После расходимся по помойкам. Чинно так, благородно расходимся, каждый свое место знает. А там уже все готово: помойка вся вычищена-вылизана, коньячок, водочка, пиво стоит в уголке, но бутылки все початые – это как положено. Закусочка оформлена фантазийно и упакована аккуратно: повара в Кремле – плачем от восторга! В пакеты все перекладываем, местечко поудобнее отыскиваем и начинаем принимать по маленькой, так что к десяти часам мы уже хороши, довольные-предовольные. А тут как раз иностранцы пошли в делегациях и просто туристами. Они на нас, раскинувшихся кто на скамейке, а кто прямо на травке, объективами своими швырк-швырк, лампами сверкают плеч-плеч – и так и эдак изгибаются, чтоб ракурс повыигрышнее. А нас, как ни сними, мы все одно хорошо получаемся, потому что правильную жизнь ведем. К обеду мы обычно подремем, и в дремоте тоже хорошо получаемся. А потом нас в разных журналах показывают, где мы – образ свободы и независимости человека в нашем отечестве, где даже бомжам очевидно так хорошо, как никакому нигде ненашему человеку.

Проснулся Платон Платоныч, подумал и сказал себе: «Вот он где рай-то, блин, спрятан, вот он где истинный Эдем! И зачем я в детстве хотел в космонавты? Глупый, наверное, был!».

Сон №3 – Странности любви-4

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто сидят они дома с женой, именины ее празднуют, «Мартини» распивают да разговоры разговаривают. Хорошо, душевно сидят, как давно уж не случалось. Вдруг звонок в дверь, и заходит подруга его любезная, говорит, мол, пришла от отдела Платон Платоныча поздравить супругу его с днем ангела и принести подарочек. И кладет на стол коробку приличную в размерах. Супруга коробку открывает, а там, ёшь-мошь, штучки всякие из интимного магазина. И она не то, чтоб смутиться, а, напротив, глаза разгорелись, цоп то, цоп другое, вертит, крутит, к себе приставляет и давай подругу платон-платонычеву выспрашивать, что да для чего. И та подробненько так объясняет да демонстрации устраивает. Тьфу! – одним словом. Платон Платоныч сидит, фонареет, потому что подруга ни в каком отделе его не работает, и жена всех там знает, значит, намечается ему сегодня качественный трындец. Бабы уселись уже, штучки отложили, давай чокаться «Мартини» да мужьям своим косточки перемывать. Платон Платоныч еще больше фонареет, потому что у подруги его мужа отродясь не бывало, только товарищи, а то, что жена про него несет, это вообще за гранью приличий. Но и подруга, оказывается, как будто про него только с какой-то другой стороны, тоже поганой. Облепили его обе тухлые эти ипостаси – не продохнуть. Платон Платоныч оделся и на улицу, на воздух скорее, а женщины ему вдогонку кричат, чтоб ликерчику еще принес, а то питье-де заканчивается. Хлопнул тот в сердцах дверями и ругнулся: «Хрена вам лысого, а не ликерчику! Это ж такого из меня сделать! Чтоб им повылазило! А еще обниматься лезут и всякое такое...» Побродил, продышался вроде и назад, а женщины его все за столом сидят, теперь в обнимку и песни поют-заливаются. На столе у них новая посудина. Платон Платонычу говорят: «Ты, мол, тарелки там помой и закусочку нам сооруди из холодильника. А себе достань белье и постели на диване: теперь ты там спать будешь, потому что у нас новая передовая ориентация, и ты нам только на кухне да в магазин сходить. Совсем Платон Платоныч закручинился, сел, налил себе водки стакан, выпил, крякнул, хотел ус закрутить – да нет у него уса и не было; хотел на баб рыкнуть – да не слышат его барышни, поют свою караоке, заливаются; хотел тогда заплакать Платон Платоныч – да забыл уж, как это делается...

Это Платон Платоныч. Он со сна. А так красивый. Даже очень. Фото Ольги Мацюк

Проснулся Платон Платоныч, щупает кругом себя: вроде на кровати лежит, и жена рядом посапывает. Пошел по квартире подругу искать, не нашел нигде, успокоился: значит, привиделось. Только вот на столе коробка интимных штучек, две пустых бутылки «Мартини»

и караока эта подмигивает. «А вдруг она за вещами домой поехала и утром со своим барахлом навсегда заявится? Соберутся опять, чего еще удумают? Может уйти по-тихому куда-нибудь в нормальный мир, к обычным людям?» Посмотрел Платон Платоныч за окно ночное, зимнее и решил пока здесь побыть. Вдруг ничего еще не случится, а коли случится, так может и ничего оно на самом-то деле, пообвыкнется как-нибудь. С тем и пошел дальше спать.

Сон №4 – Обидно! (Менты-2)

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он в троллейбусе едет. Вдруг трянуло, он на соседку и навалился. Как навалился, так и отвалился. А она как запоет-заблажит: «Гад, мол, такой ползучий! За моим кошельком лез! Почти спер уже». Так-то разоряется грамотно. И менты по случаю в троллейбусе, двое. Ручки Платон Платонычу за голову, вывели, повели. Он им, понятно, про кошелек, что ни сном, ни рылом. А они во двор его заводят и говорят: «Может и не рылом. И так видно: мудаки ты стоеросовый. Ты нам бабки гони, а то сейчас в ментовке все отстучим». Платон Платоныч стольник от жены заначенный отдал, а сам всей душой плачет, слезьми исходит: не стольника жаль – обидно просто. Мент стольник в карман, сверху еще обидное слово от себя добавил да пониже спины ботинком так, гад, больно приложил, что Платон Платоныч упал и в собачье дерьмо вляпался.

Проснулся Платон Платоныч, ошупывает себя... Фу! Сон все-таки: ни задница не болит, ни дерьмом не воняет. Полез в брюки, а стольника-то и нет. Спать ложился – тут он был, а теперь нет. Подумал Платон Платоныч и спросил себя: «Как это у ментов руки за бабками даже из сна дотягиваются?» Подумал еще, хотел себя еще чего спросить, но испугался вдруг, к жене прижался, да так и уснул испуганным.

Сон №5 – Подарок швейцарских рабочих (Из истории человечества-2)

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто не Платон Платоныч он вовсе, а Владимир Ильич. Но не тот, который в Горках, а молодой еще такой весь, задорный. Идет он по Москве, и все ему нравится: и Мавзолей имени его, и музей тоже, и люди веселые, ярко одетые, а пуще всего ему девушки нравятся в таких юбках, ну просто таких, каких в его время и в спальне не носили. Разогрелась кровь у Платон Платоныча, который Владимир Ильич, застучала, а тут девица из одних только ног подмигивает ему заманчиво и бедрышком, бедрышком повела за собой. Владимир Ильич за ней за угол, значит, свернул, а навстречу ему Владимир Ильич и за ним еще два Феликс Эдмундовича. И этот другой Владимир Ильич обращается к нему с неприятным таким шипением: «Ты что же, бля-падла, нашу поляну топчешь? Жить совсем не хочешь?» И так как-то бочком, бочком к нему подступает. Владимир Ильич, который Платон Платоныч, головкой вздернул гордо: «Как вы смеее со мной так разговаривать! По какому праву! Я дворянин!» А тот другой Владимир Ильич еще омерзительнее зашипел: «Щас-сс ты у меня, бля-падла дворовая, во дворе тут и ляжешь с выпущенными кишками как нарушитель конвенции!» «Но сперва потопчем его, потопчем!» – радостно заверещал не своим голосом один из Феликс Эдмундовичей и затоптал сапогами. «Нам тут мокруха ни к чему. Нам на этой поляне еще пастись и пастись, – убедительно сказал второй Феликс Эдмундович. – А он больше сюда ходить не будет. Ведь не будешь?» Владимир Ильич, который Платон Платоныч, решительно закивал головой. «Вот и молодец, вот и умница, – и с этими словами часы у него карманные цоп и сдернул. – А теперь вот тебе печать к нашему договору для памяти». Да как даст ему промеж глаз своим кулачищем.

Проснулся Платон Платоныч, подумал и сказал себе: «Ох, не простил Владимир Ильич экспроприаторам, не простил! Отсюда все и пошло. И то ведь: лоб-то зажил, а часики были Paték, подарок швейцарских рабочих. И поделом им, правильно это».

Сон №6 – О высоком-1

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто пришел в баню перед Пасхой самой. Разделся, понимаешь, одежду в шкафчик вешает. А тут сосед ему: «Ну ты, мужик, даешь! Гляньте, мужики, гляньте!» – и пальцем Платон Платонычу ниже пояса тычет. Глянул Платон Платоныч и чуть не опупел: у него одно яйцо красное, а другое – голубое. Причем цвет такой сочный, яркий, что глаза слепит. Мужики обступили, языками цокают удивленно, но и одобрительно: «Ты, – говорят, – мужик, молоток. Сразу видно наш человек. Только вот на улице, жаль, не видать. Тебе, мужик, прореху в штанах надо сделать, и мыться теперь нельзя, а-то вся красота смылится». Сел Платон Платоныч на скамью и не знает: мыться ему, впрямь, или не мыться: вдруг краска потускнеет, а-то и вовсе пятнами сойдет. Тут мужик один говорит: «Тебе, мужик, надо еще конец в белый цвет покрасить, тогда вообще все кругом обломаются». Совсем потерялся Платон Платоныч, как теперь ему этим богатством распорядиться, может уже и с греховными делами пора кончать и время ему подрастающее поколение в правильном духе воспитывать?..

Проснулся Платон Платоныч, подумал и сказал себе: «Высокое оно не только на высоком месте бывает, но и пониже. И это правильно, наверное».

Сон №7 – Декалог 8

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он спер на работе что-то и несет домой. Спер так, по мелочи, как обычно. Идет себе домой, небо ясное, настроение не хуже, и слышит вдруг голос: «Не укради!» Да еще повелительный такой, бесстрастный. Платон Платоныч растерялся немного, на небо поглядывает, откуда голос пришел, интересуется. «Почудилось», – решил, но в душе как-то сразу испортилось, похудшело. Посмотрел на спернутую хреновину и подумал: «И зачем она? У меня таких в кладовке уже пяток. Подарить если кому, полезное сделать?» Почти на этом успокоился, а голос опять откуда-то: «Не укради!» – и такая в нем безнадежная правильность, что Платон Платоныч без возмущения не смог: мол, что он там взял, вон другие, что творят, и ничего – живут себе припеваючи. «Нашли, кого стыдить, практически честного человека, ну разве что иногда по пустякам, и это в стране, где не берет телеграфный столб один: у него рук нет и чашечки к низу». Кровь в лицо Платон Платонычу вступила от праведной обиды. А голос опять свое: «Не укради!» – и такая несокрушимая в нем убежденность, что Платон Платоныч хреновину эту из сумки высвободил и в мусорку швырнул, а потом развернулся, да и сумку за ней запустил. «На! – кричит и в небо кулаком тычет. – Выкусил! Забирай и отвяжись!» А голос помолчал как будто в раздумье и снова за свое: «Не укради!» Платон Платоныч от злости зубами заскрипел да...

От этого скрежета и проснулся. Лежит себе и думает: «Там у Моисея еще девять осталось. Чего делать будем?» Подумал, подумал еще и говорит себе: «Голос-то не с неба шел, а будто из меня самого. Это во мне что-то испортилось, сломалось. Ох, и тошнехонько жить нам станет!.. Неправильно это, наверное».

2-я седмица

Сон №8 – Цветы на асфальте

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он мальчоночка такой небольшенький, лет восьми, но шустрый, сообразительный. Потому сообразительный, что на улице живет: мамка его не любит, а папки и вовсе нет. Живет он на полной воле и очень эту самую волю любит. Только холодно ему с ней. Всегда холодно, особенно летом, в самую большую жару. И будто он знает, что далеко-далеко на Севере есть теплый-теплый дом, где живет мамочка-Валечка, которая по всему свету всех-всех детей озябших собирает, кормит, отогревает и никуда от себя не отпускает, покуда они не вырастут, потому что жалеет их очень. И он точно знает, что и его найдет скоро мамочка-Валечка, заберет к себе, и ему никогда уже не будет холодно. Нужно только немного потерпеть. Вот он и сидит тут, на ступеньках в переходе, жует «Сникерс» и ждет, терпит...

Проснулся Платон Платоныч, и холодно ему очень. Просто так холодно, что совсем даже не думается ни о чем. Вдобавок вкус этого «Сникерса» поганого. Только Платон Платоныч не мальчоночка тебе, он на кухню пошел на свою, водочки принял, прогрелся и тогда задался вопросом: «Как эта мамочка-Валечка всех детей уличных отогреет? Их у нас вон сколько». Потом еще подумал-подумал и решил, что, наверное, отогреет, раз больше некому. С тем и пошел досыпать: утром на работу, однако.

Сон №9 – Асс-са! (Менты-1)

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он и не русский вовсе, а джигит. И не просто джигит, а джигит со страшным взглядом. Идет он по Москве так немножко вразвалку, а навстречу менты. Один автоматом в бок и говорит: «А доставай-ка разрешеньице, а-то мы тебя в кутузку-мутузку!» Он на мента страшным взглядом своим глянул, тот и обмочился, потом на другого – и другой в луже стоит. А он джигитским шагом по улице на глазах всего народа пошел писать на носочках: «Асс-са! Асс-са!» И народ-то, народ-то становится, глядит, да и начал хлопать. И так-то расхлопался, что в задор вошел, хлопает да покрикивает: «Давай, давай джигит! Давай наяривай!»

Проснулся Платон Платоныч, подумал и сказал себе: «Хоть и не русский был, а хороша дружба народов. Может и неправильно это?»

Сон №10 – Что упало, то попало

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он сантехник, канализацию разобрал, под трубой стоит, нагнулся, чистит. Вдруг сверху ему из трубы дерьмо на голову шле-пец! Так все и залепило.

Проснулся Платон Платоныч, подумал и сказал себе: «Сколько дерьмо ни чистишь, на свою голову оно всегда найдется. Неправильно это».

Сон №11 – Агент 888 (Задание №586 – Родильное место)

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он на танцах молодежных. Зал огромный, свет там всякий, музыка молотит, по сцене какие-то скачут. У него самого тоже на голове хаер разноцветный, ну и вообще облик соответствует вполне. И делает все, как положено: ножкой сучит, по полу стучит, вовремя подпрыгивает. А все у него, как положено, потому что он не просто Платон Платоныч, а Платон Платоныч – секретный агент три восьмерки (888), и здесь он на задании. Засланец, в общем. И послали его выяснить метафизический смысл этих всеобщих совместных камланий юных созданий, чтобы влиять на них правильным образом и чтобы они об этом влиянии не ведали. «Каналы влияния, – сказал полковник, – у нас готовы, и спецы-проводники тоже, но по поводу содержания императивных сообщений дискурсанты пока не пришли к единому мнению». Полковник как скажет, так хрен сразу разберешь, но Платон Платонычу это нравится. Орел, одним словом, истинный орел полковник! Платон Платоныч готов в лепешку, но смысл этот где искать, это ж не окурочка какой в углу валяется? Полковник ему, мол, может он и впрямь не больше старого окурочка и также воняет, но его дело там быть, делать все, как они, и чувствовать, чувствовать, чувствовать, пока не откроется ему, что это такое на них там снисходит? И вот Платон Платоныч, который 888, бог знает какой час ручками помахивает, задом вертит, по полу стучит – ждет, когда откроется, когда на него снизойдет. Вдруг создание напротив к нему обращается: «Ты, отец, – говорит, – железный, наверное. Полночи уже скачешь и ничего, не устаешь. Не надоело? Я тут местечко одно знаю, пойдем потрахуемся?» – и за локоток его нежненько, но решительно. Платон Платоныч опешил слегка, но выучку свою призвал и локоточек аккуратненько так высвободил. Создание фыркнуло: «Не хошь, как хошь. А может ты того, только прыгать и можешь? – и исчезло, улетело, растворилось. Платон Платоныч, который 888, мог сегодня много и того и другого, столько, сколько этому и не снилось, потому что перед заданием употребил спецтаблетку, и отказался он совсем не из боязни, а просто не смог идентифицировать гендер создания и не знал, какую выбрать стратегию поведения. «Неверная идентификация гендера может стать причиной провала», – учил полковник и правильно учил, Платон Платонычу ли этого не знать. Только как его точно определишь, когда сами создания в нем еще не устоялись? И вдруг на Платон Платоныча снизошло, снизошло, что все тут они и он тоже для одиночества вместе. Сюда: из невыносимости одиночества наедине, где только твоя жизнь пуста и бессмысленна, где ты только один несчастен и потому несчастье твое без дна; сюда: в толпу одиночеств, где пустота и бессмысленность повсеместна и потому единственно значительна и достойна; сюда: где одиночества разом вздымают руки и заходятся в крике, который всегда есть лишь: «Мы вместе!» – чтоб ни кричали; сюда: где в грандиозной распятой пустоте непременно родится и родится невиданное и совершенное счастье и смысл для всех людей сразу и потому...

Проснулся Платон Платоныч, дышит паровозом, вокруг себя зыркает, ноги сами дергаются, под одеялом колобродят, и стало ему вдруг так горько, так горько, что он вот тут, в койке, а там без него смысл для всех людей родится, который он здесь проспал... Потом подумал-подумал еще Платон Платоныч и сказал себе: «Из такой пустоты не может не родиться невиданное, только не факт, что это будет хорошо. Совсем не факт».

Сон №12 – Странности любви-2

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он работает летучей рыбой, и деньги ему платят только за то время, когда он летает, а когда плавает в воде, то не платят. Вот он полетал-полетал и в воду плюхнулся дух перевести с удовольствием, а навстречу ему жена с зубастой пастью разинутой – вот-вот проглотит. Он от нее опять в воздух, летел-летел, в воду шлепнулся, а навстречу ему подруга его, и пасть у нее еще зубастее. Он опять разворачивается – и в воздух изо всех сил. Только плюхнулся, а там жена уже ждет-поджидает, и зубы у нее совсем жуткие. Он вираж заложил – и опять в воздух. Шлепнулся, а там подруга зубами сверкает. Он снова вираж и в воздух, а там жена... И снова подруга... И опять жена...

Проснулся Платон Платоныч, весь в поту, дышит – никак не отдышится, ощупывает себя: вроде человек, а не рыба, пусть даже летучая. «Ух! Хорошо-то как быть человеком, – сказал он себе и подумал. – Как у этих женщин складно все получается? Неправильно это».

Сон №13 – Птичку жалко!

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он идет себе по Большому каменному, на Кремль поглядывает. Утро ясное, солнечное. Красота, да и только! А навстречу ему Президент тоже прогуливается. Останавливается: «Здравствуйте, – говорит, – Платон Платоныч. А скажите, какие у вас есть нужды-пожелания?» «А никаких, – отвечает Платон Платоныч. – Сами со всем справляемся, товарищ Президент. Нам бы только, чтоб порядок был. А он при Вас очень даже наладился. Так что благодарствуем». «А знаешь ли ты Платон Платоныч, – говорит ему Президент, – что зовут меня на новый участок работы – Германией руководить. На целых три месяца. Еще на три – Францией. Потом, думаю, Италию возглавлю». «Никак нет, товарищ Президент. Очень за Вас рады. Только мы-то без Вас как останемся?» «А над вами пока Ясир Арафат будет, потом его сменит султан Брунея. Это такая ротация кадров называется». Рассмеялся по-доброму товарищ Президент, ручкой махнул и пошел дальше.

Проснулся Платон Платоныч, сперва заволновался: «Что это у нас Президент в платке будет, будто баба какая? Неправильно это». Потом припомнилось ему: то ли Ясир этот у евреев невыездной, то ли вовсе помер – и успокоился.

Сон №14 – Декалог 6

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто идет он по тропочке в саду, кругом деревья, кусты, цветы, птички, а у него на душе погано-препогано. И перед ним на тропочке слизень, толстый такой, противный, и Платон Платоныч в этом своем душевном состоянии ногу поднимает, чтобы слизня того... раслизить в общем, как вдруг ему голос требовательный: «Не убий!» Платон Платоныч автоматом через живое переступил, но остановился и кипятиться стал, что, мол, он теперь как дигамбар какой-нибудь и наступить никуда не может, ни комара ему теперь не прихлопнуть, ни клопа вонючего. Голос паузу взял и снова лишь то же самое повторяет: «Не убий!» – но еще более внушительно и непреклонно. Так непреклонно, что Платон Платонычу вдруг стало стыдно за желание слизня этого раслизить. И он давай убеждать себя, что за жизнь свою гадостей натворил, что слизень этот – просто вшивь, точка невидная, и вообще он шашлык любит очень из козленочка, а природа этих слизней, сколько надо, понаделает. Но стыд не уходил, напротив, выросал будто, потому что слизня топтать хотел не просто так, проходя, а именно, что на душе погано было, и поганство это хотелось убить тем, чтоб убить хоть кого-нибудь. Всенепременно убить! Пусть слизня, но убить!

Проснулся Платон Платоныч, и на душе было погано. Фу, как погано! «Всегда на земле кто-то кого-то немножко убивает, – повторил он за кем-то. – Человек такое существо, чтобы жить – убивать должен. Природа у него такая, а против нее не попрешь. Никто не попрет, потому что...» – продолжал он про себя рассуждать и рассуждать хорошо, убедительно, но стыд, мучительный стыд и тут догнал его, догнал и переполнил, перелился слезами, обильными как никогда, как в детстве, с которыми пришлось в ванну быстро-быстро, чтоб вода шумела и чтоб никто нигде не узнал, как нестерпим его стыд, этот его и только его одного стыд... «Ты чего там, Платон? Не заболел?» – жена забеспокоилась. «Здоров, здоров, совсем здоров», – удалось почти бодро Платон Платонычу, и на кухню, где покурил, подумал, побормотал про себя и притих, успокоился... Так ничего все снова стало, только козленочков было жаль. Одних лишь козленочков...

3-я седмица

Сон №15 – Странности любви-12

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он в курятнике главный петух. Сидит на самой верхней жердочке, за всеми курочками да петушками молодыми приглядывает. Сидит так хорошо, важно. Но вдруг куры раскудахтались что-то, разгорячились. Он им: «Цыть!» А они никак. Кудахчут ему: «Расселся там важный какой. Работу свою не делаешь, нас не топчешь. А нам в душе от этого одиноко очень». Слетел Платон Платоныч с жердочки, кур потоптал-потоптал, умаялся. Только снова на жердочку взгромоздился, а куры еще пуще кудахчут: «Ишь расселся. Это что за работа такая. Раздразнил лишь. Только мы в пыл самый вошли, а он опять отдыхать. Что нам теперь – юнцов совращать?» Он им: «Цыть!» – значит. А они только пуще расходятся. Кудахчут совсем уже непристойности, позы стали принимать неприличные, на петушков зазывно поглядывать. Платон Платоныч решил, было, рассердиться, а потом подумал-подумал и перерешил: «Да ну их!» – и уснул.

Проснулся Платон Платоныч, посмотрел на спящую жену, подумал-подумал, да и уснул.

Сон №16 – Серые и черные

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто собрали их в поле на молитву. Полю конца-края нет и толпе тоже. Он почти что в первых рядах. Перед ними начальники в сером, кругом челядь, холуи с собаками и автоматами тоже в сером. А за ними черные всадники, лиц нет под клобуками, в руках всего лишь самострелы, но какая от них жуть! Платон Платоныч, облитый потом привычного ужаса, как и все, ждет команды начинать. Наконец, начальники крестятся, и все послушно валятся на колени. Платон Платоныч тоже хочет на колени, но они не гнутся, не гнутся и все тут! Сосед его тянет вниз, тянет и шепчет: «С ума сошел! Тебе ж п...ц!» Платон Платоныч и сам чувствует, что п...ц, но ничего не может поделать со своими ногами. Они вдруг будто палки, ходули негибучие. Напал на него ступор, стоит, п...ц свой ждет, а сам по сторонам оглядывается. До горизонта толпа на коленях, и только отдельные фигуры из нее торчат. Холуи серые споро засуетились, по-деловому и пошли толпу расталкивать к ним, стоящим, из автоматов в воздух постреливая. Вдруг цвикнуло, и ближайший к нему, торчащий, как и он, из толпы, повалился на спину со стрелой между глаз. Там дальше еще один и еще... «Черные» подняли самострелы и выцеливали стоящих. «Вот он п...ц, – сказал себе Платон Платоныч. – Как они правы были, братцы-евреи: за спинами „серых“ всегда „черные“ стоят». Вдруг сзади откуда-то шум непонятный. Платон Платоныч оборачивается: далеко позади посреди толпы Чебурашкин папаша со своей бабой и со всем своим обычным кагалом песенным чего-то бодро наяривают, но далеко и не слышно ничего. Только вокруг них люди с колен поднимаются ряд за рядом и подхватывают песню. «Во, блин, чего это они там затянули: „Интернационал“ какой или еще чего? Но как-то больно весело да с танцами?» – Платон Платоныч начисто забыл про ожидающий его п...ц и с изумлением смотрел на расширяющуюся, захватывающую пространство поющую и приплясывающую толпу, которая и до него, наконец, добралась, и он тоже радостно завопил вместе со всеми: «Здравствуй, моя Мурка! Здравствуй, дорогая! Здравствуй, моя Мурочка, прощай! Ты зашухарила всю нашу малину, И за это финку получай!» Вокруг него вместо колени-преклоненной была уже только поющая и пляшущая толпа, и «черных» не видно нигде, будто сгнули разом, будто их вовсе никогда не было, будто привиделись. А «серые» побросали автоматы, поскидали куртки и вопили и топотали вместе со всеми, и собаки их тоже скакали меж людьми, ластились и повизгивали в восторге...

Платон Платоныч думает. Так с ним бывает.

Фото Ольги Мацюк

Проснулся Платон Платоныч и не знает: стоит ему подумать над этим или нет. Как-то все было неоднозначно: радостно, духоподъемно, но в то же время и тревожно. «Что будет, когда песни-танцы кончатся?» – спросил себя Платон Платоныч и запретил больше про это думать. Так, на всякий случай.

Сон №17 – Про снежного человека (Из истории человечества-15)

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто не человек он вовсе, а снежный человек – мохнатый, шерстяной, огромный. Только не теперешний, а давнишний. И есть он тогда самый главный на Земле Абсолютный Охотник. Ручищи его ломают шею любому зверю, ножищи без усталости несут сквозь день и ночь, ум изощрен в ловушках для дичи, взгляд неистов и нестерпим для встречного, сердцу неведома боязнь и жалость, клич его гордый: «Я пришел!» – шлет вызов отважным и ужас робким. Он сам выбирает дичь, и нет существа на Земле, для которого он стал бы дичью. Он свободен как истинный царь природы, безусловный ее господин. И будто он теперь растворился в листве, сидит, любимую дубинку поглаживает, добычу свою разглядывает: там, внизу стадо безволосых обезьян. Самцы кругом огня вместе разом выкрикивают, вместе подпрыгивают, вместе над головами палками трясут. Платон Платоныч, который Абсолютный Охотник, доволен: стадо большое, значит, охота будет хорошая. Скоро они утомятся, уснут, и придет его час. В первом акте настигнет их победный его клич, и замрут в ужасе робкие сердца. Во втором – он явит себя в своей побеждающей мощи, переломит хребты двум-трем безумцам с палками, в третьем – приведет домой всю эту послушную, покорную добычу – живые консервы для его семьи. Вдруг маленький безволосый детеныш возник прямо под деревом. Платон Платоныч скользнул вниз по стволу, подхватил гладкое тельце, освободив его от жизни, и вновь в густоту листвы ждать... Ждать, насыщаясь сладкой нежной плотью. Но стадо внизу вдруг задвигалось, загалдело, загомонило, почуяв опасность. Охота разворачивалась по-иному и становилась еще интереснее. Платон Платоныч – Абсолютный Охотник дождался, когда стадо стало галдящей толпой, свернул себя в сгусток неистовой силы и ярости и бросил на головы мгновенно разящей смертью. Она понеслась по толпе хрустом костей и воплями отчаяния. И вот апофеоз: его летящий прыжок, чтобы в свете огня он весь, и его клич, торжествующий клич, опрокидывающий робких обезьян, ввергающий их в неподвижность. Но тут случилось, что пали не все. Самцы стали цепью, оцетинились палками и затянули свою песнь, в которой совсем не было страха. Это была песнь охотника. Перед ним и стал вдруг один многорукий, многоногий охотник. Десятки глаз его горели яростью и азартом, десятки рук целили свои острые палки, десятки глоток выталкивали победный клич, десятки ног разом били землю, и Земля содрогалась от его поступи – поступи нового Абсолютного Охотника. Платон Платоныч разящим ударом пробил брешь в цепи, и ноги его, неутомимые ноги понесли прочь. Они славно служили ему и теперь, когда он сам стал дичью, Абсолютной Дичью. По всей Земле теперь гнали его цепи охотников, пока не загоняли, не убивали, мастеровито и безжалостно.

Проснулся Платон Платоныч, подумал и сказал себе: «Как оно быстро случается: господин, царь, Охотник Абсолютный и вот – уже дичь. И назад никак. Вдруг и с людьми такое? Новый Охотник откуда-нибудь свалится: блямс – и на тебе, в дичь превращайся. Или здесь он уже ходит, меж людьми, робкий такой, невидный – не узнать. А потом перевернет все в мгновение ока и навсегда. Как-то неправильно это...»

Сон №18 – Война

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто чечен он и идет себе по городу Грозному. Даже не чечен, а чеченка. А мимо федералы на брониках вжик-вжик, вжик-вжик... Идет домой – еле ступает, не несут туда ноги, ну никак не несут! Не хочется ей, так уж не может за мужика-бабу изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год... Ну никак не может. На обочине броник стал, с него солдатики посыпались: все в пыли, молодые такие, задорные. Платон Платоныч, который чеченка, тоже стал. Стал и смотрит. Вдруг один белобрысенький как рукой махнет на него да как крикнет: «Ты чего, тетка, стала? Убери глаза, убери! Убери, стерва! Кому сказал, убери! А-то я тя щас-с!» – и засуетил руками, заколобродил, дергая автомат с плеча. Стоял Платон Платоныч и смотрел, как ломается, плавится в его взгляде от ужаса белобрысенький, а потом оглянулся в себя, в самую свою чеченскую женскую глубь, откуда и смотрелось, и ужас оттуда, тот самый первоужас, когда не тебе только п...ц, а п...ц всему, что было и будет, и небу и звездам, и раю и аду, и богам тоже – всему п...ц! И ты ни причем, и ничего уже не можешь...

Вскочил Платон Платоныч с кровати, забегал по комнате, стены щупает, мебель – никак не поверит, что есть еще все, не сгнуло... Потом сел на кухне, посидел-посидел и пошел спать, потому что он тут ни причем, и ничего уже он не может...

Сон №19 – О высоком-6

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто сидит он на «горшке» и видит в зеркале, как он сидит на «горшке». Знатно сидит, гордо, просто Орел Орлович какой-то. И так-то ему хорошо на себя смотреть, радостно, что глядит – не наглядится никак...

С тем и проснулся Платон Платоныч, с тем самым сладостным восторгом, который так и пер из него, так и лез наружу. Понемногу успокоился, но радость осталась. Подумал Платон Платоныч и сказал себе: «Не важно, на чем сидеть, важно орлом глядеть!» Потом подумал еще и добавил: «Может и неправильно это?..»

Сон №20 – Не бздеть!

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он террорист-захватчик. Не какой-нибудь, а главарь самый: в кожаной тужурке, ленты пулеметные крест-накрест, на голове бескозырка – вылитый матрос Железняк. А взяли они с ребятами дом престарелых. Бабок-дедов в один зал согнали, динамитом стены облепили, ребята с винтовочками у окон, на чердаке пулеметное гнездо, даже два. Платон Платоныч зычным таким с хрипотцой голосом, мол, старики не бздеть, если власть наши требования выполнит, выйдем отсюда орлами, а нет – так пойдем все ко дну, как гордый крейсер «Варяг». Тем, кто перебздит все-таки, доктор-психолог в наличии. Отсюда и велел всем молчать, пока по рации с властями свяжутся и с мировой прессой. Деда замолчали: сидят себе, сигаретки смолят, в кулак покашливают. А бабки начали меж собой жужжать. Пожужжали-пожужжали и выдвинули двух главных: одна – видная такая с папиросой во рту, прямо вылитая Мария Спиридонова, другая – маленькая, востроносая и глаз черный, презлющий. Они, значит, к Платон Платонычу с полной поддержкой решительной акции и заявлением мировой общественности, в коем, перво-наперво, прекратить американскую блокаду Кубы, затем освободить из заточения Ясира Арафата, и, наконец, выдать директора, чтоб за яйца его подвесить как первостатейного империалистического гада и вора! Психолога можно отпустить, потому что смерти они – ветераны ВОВ – полвека назад отбоялись. Только Платон Платоныч собрался указать бабкам, до какого места ему этот Ясир, но радист на начальство вышел. Платон Платоныч требования свои зачитал и CNN для «online» обеспечения повелел доставить. На той стороне посопели, пошушукались и сказали, что будет ему и «Свобода» и CNN с BBC, раз он рванет ко хреням этот престарелый дом в прямом эфире – слишком дорого тот городу стоит. Ему и премию дадут в 50 штук «деревом» за оптимизацию горбюджета, и от себя мэр добавит еще пять «зеленю» за упокой души бабок этих. Но только если востроносенькая не уйдет! В противном случае с вертолетов-танков их все одно расхрендят, потому как с террористами «базара нет». Платон Платоныч от сего так обалдел, что бабкам проболтался. Те разжужжались – целый митинг. И на митинге на том единогласно решают брать мэрию в лоб, пока танки с вертолетами не подошли, и еще почту с телеграфом. Платон Платоныч орет им, чтоб окстились бабки, он, мол, террорист, ему лимон свой оторвать и в кусты, а в революцию он не играет. Но бабки ему: коли, мол, так обобзделся, пусть ружья сдаст и домой топает. Сами хватко так приступили, что у ребят его все поотбирали и в колонну построились: впереди Спиридонова с востроносенькой под красным знаменем, за ними в колясках инвалидов оба «максима» и динамит, бабки-деды с винтовками цепью, а уж дальше кто с чем – оружие, кричат, у противников возьмут, и песней маршевой: «Ромашки спрятались, завяли лютики...» – по главной улице на мэрию. Платон Платоныч будто со стороны уже глядит, и жалко ему их и завидно: жалко, что кончат их всех, наверное, и завидно, что вовсе им смерти не страшно, а ему страшно, еще как страшно, потому с ним можно, что угодно, а с ними – ничего. Разве что убить. Так это им пустяк, столько раз убивали...

Проснулся Платон Платоныч, подумал и решил: с сего дня никого и ничего не бздеть! Только не знал он, как это? Всю жизнь приходилось ему то того, то другого... Либо за того, за другого: «Как не бздеть, если смерть она совсем конец? Всему конец! И не выкарабкаться, не переиграть... Если б так, чтоб до конца, но тоже, чтоб как-то снова, хоть как-нибудь снова... Когда надежда на переиграть, на попробовать заново. Тоже страшно, но не ужас, не оторопь...» И бормотал он так с собой, до самого утра бормотал. А утром на работу, однако.

Сон №21 – Декалог 7

Все-таки сны – это хорошо иногда. Даже очень. Фото Ольги Мацюк

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто встретил он даму, пусть красоты обыкновенной, но добрую, отзывчивую. И как-то необычно сразу объяснил ей свои интересы. И она тоже необычно сразу согласилась принять их во внимание. По-простому, по-доброму, как в жизни почти не бывает. Идут они, значит, в хорошее местечко с намерением согласовать взаимные перспективы. Приходят туда и без потери темпа приступают к исполнению – что во снах Платон Платонычу всегда нравилось,

так это скорость, темп хороший. Но тут в самый момент этот голос противный-препротивный начал: «Не прелюбодей...», – но на сей раз опоздал чуть, на слог один: слово длинное попалось для внятной команды, так что Платон Платоныч даже с ритма не сбился. Глянул лишь на даму, что, закрыв глаза, прелюбодействовала с удовольствием, и ответил голосу покойно и с достоинством, ритм продолжая контролировать: «Вот хрен те с маком! Был, есть и буду, что природа дозволила. Так и запиши себе в поминальнике». Тот, может, и обиделся, но больше не приставал, сопел только подозрительно громко.

Проснулся Платон Платоныч и чувствует, что хорошо ему, давно так хорошо не было. «А что? – сказал он себе. – И дело доброе сделал, и заразе этому дал. Пусть не лезет, тоже еще учитель». И так засмеялся весело да задорно, что жена проснулась, и на кухню пришлось идти досмеиваться. Хорошо было ему, хоть и неправильно, наверное.

4-я седмица

Сон №22 – Ужастик (Менты-3)

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто идет по улице, а навстречу два мента. Один постарше, чернявенький такой, а второй помоложе, заметно блее. Подходят к нему, вежливенько козыряют и говорят: «Ты что же это, б...я сраная, такое про нас во сне видишь. Может, ты нас не уважаешь?» Платон Платоныч возьми, да и кивни головой. «Та-ак... – сказали менты. – А может, ты нас еще и не боишься?» Платон Платоныч так головой замотал, что чуть ее не уронил. «Та-ак», – сказали менты и больше ничего не сказали, а только который поблее румяный весь такой, задорный стиснул пальцами своими Платон Платонычу нос, так стиснул, что голова от боли стала большая-пре-большая вот-вот лопнет...

Проснулся Платон Платоныч: нос, как слива, и боль по-прежнему глаза из орбит выталкивает. Все понял Платон Платоныч и решил с сего дня-ночи формировать во снах своих исключительно позитивный образ нашей родной милиции и правильно решил.

Сон №23 – Невезуха

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он решил нарастить свой конец и в фирму в Сети обратился, которая клялась на 3,5 инча в длину и на полтора в ширину за квартал. Получил таблетки, гели, рекомендации, стал их пользоваться, и вдруг в одно прекрасное утро в зеркало глядит, а там шишка какая-то посередине лба образовалась. И такая, что на глазах прямо растет, и уж очень знакомая на ощупь. Платон Платоныч, естественно, в Сеть, но фирмы той тью-тью, да и времени тоже тью-тью. Бежать надо, что-то делать решительно – на лбу пухнет такое, чему положено внизу болтаться. Чуток поменьше, конечно, но в боевом состоянии. Платон Платоныч платок на голову кое-как, шляпой прикрыл и к доктору врывается: снимите, мол, с головы эту гадость, она для другого назначена. А врач как увидал, вокруг него заходил, губами зачмокал, руками захлопал и ну его угоривать не рушить красоту, потерпеть, попривыкнуть. Такое, мол, счастье мужику привалило. Знаменитым станет, женщины в очередь писаться будут, чтоб эдакого мужинку обласкать. Потому наслаждений немерено и опять же деньги. Глядишь, телевидение приметит, совсем жизнь новая пойдет. И об ответственности перед человечеством опять же помнить должно: вдруг с него новая генерация людей началась. Платон Платоныч об ответственности этой как подумал, как представил себя с «этим» в телевизоре, а потом толпу мужиков под него разукрашенных, что заорал-завопил: «Режь его к едреной маме! Все стерплю!» – и...

Проснулся Платон Платоныч, жена обнимает его, бормочет, гладит, успокаивает. Платон Платоныч по лбу шарит – ничего не находит, но не верит. Себе самому не верит. Наконец, на кухню пошел, стакан маханул, выдохнул, стал отходить помаленьку. Отошел, и мыслишка засвербела в башке, зачесалась: «Раз не случилось вырастить во лбу достоинства, так и доживать ему в полной никому неинтересности как ничем не примечательному совсем гражданину. А если б? Мог бы в звезды теле- или даже политики?.. Или вообще в президенты?.. Точно доктор-подлюка все ему отпилил?» Решил, было, пойти замочить его Платон Платоныч, но лицо никак в точности не вспомнить – чудилось лишь в нем явно кавказское или еврейское, но и только. Пришлось идти досыпать – утром на работу, однако.

Сон №24 – Торжество природы

Однажды Платон Платонычу приснился сон:

Будто он не Платон Платоныч, а Александр Сергеич. Его всюду приглашают читать стихи, и стихи из него так и прут. Но к начальникам его не приглашают. Потому что перед начальниками из него только матерные стихи лезут. Будто пришли к нему из правительства и сказали, что хотят его пригласить на день рожденья премьера почитать стихи, но просят от матюков удержаться. Платон Платоныч, который Александр Сергеич, обещал. Целый день настраивался, отобрал самые приличные: про зиму, про Полтаву, про чудное мгновенье. Всю дорогу себя от матюков заговаривал, но стоило увидеть их, как вместо: «Зима. Крестьянин торжествуя...» получилось: «Сортир. Начальник обосрамшись...» и дальше понеслось как по-писанному.

Проснулся Платон Платоныч, подумал и сказал себе: «Против природы не поперешь, даже когда ты поэт великий. И это правильно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.